

63.3(5)
C89
CA-369121

Анна Суворова

ДОЧЕРИ И ВДОВЫ

ГЕНДЕР,
ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ВЛАСТЬ
В ЮЖНОЙ АЗИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Время женщин (Д. Драгунский)	5
<i>Глава 1</i>	
Женщина-лидер: случайность или закономерность?	9
<i>Глава 2</i>	
Исторические корни и культурный контекст	38
<i>Глава 3</i>	
Женщина и нация	66
<i>Глава 4</i>	
Нарративы и истории	89
<i>История первая: «Плачущая вдова»</i>	89
<i>Глава 5</i>	
<i>История вторая: «Вдовствующая мать»</i>	108
<i>Глава 6</i>	
<i>История третья: «Дочь Востока»</i>	132
<i>Глава 7</i>	
<i>История четвертая: Дочь против Вдовы</i>	157
<i>Глава 8</i>	
<i>История пятая: «Дочь-Вдова»</i>	186
<i>Эпилог</i>	
Женщины-лидеры и политическая культура	206
Библиография	218
Указатель имен	228
Summary	235

Женщина-лидер: случайность или закономерность?

Многие важные события современной истории, представляющиеся нам сейчас закономерными, казались абсолютно невозможными, пока они не состоялись. Американский экономист ливанского происхождения Нассим Николас Талеб (р. 1960) назвал такие непредсказуемые события «черными лебедями» (black swans). Ученый убежден, что именно эти как будто до поры до времени скрытые от общественного внимания события являются движущей силой не только истории, но и жизни каждого отдельного человека.

Теория «черных лебедей»

Термин «черный лебедь» — метафора, означающая редкую птицу, нечто уникальное, не укладывающееся в стандарты повседневного мышления. Происхождение термина связано с тем, что до XVII в. европейцы были убеждены, что лебеди бывают только белыми, пока в 1697 г. экспедиция голландских путешественников не обнаружила впервые в Западной Австралии популяцию черных лебедей. Хотя эта метафора известна довольно давно, именно Талеб стал использовать ее для обозначения редких и неожиданных исторических и политических событий, имеющих значительные последствия. При этом «черные лебеди» необязательно означают события с негативной окраской, они также могут символизировать непрогнозируемые удачи, счастливые случайности.

В своей книге «Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости»¹ Талеб представил оригинальную теорию случайностей, где «черные

Исторические корни и культурный контекст

Помимо подробно обсуждавшегося фактора происхождения, который привел к политической власти многих женщин, должны были быть и иные, в первую очередь исторические и культурно-религиозные, факторы. Так, историк Энтони Рейд предположил, что относительно большое число женщин-правительниц в доколониальной Южной и Юго-Восточной Азии и значительное количество современных женщин — политических лидеров в этих же регионах существуют в определенной филиации. Однако, как заметил тот же Рейд, «длительное правление женщин в этих регионах, в частности в Юго-Восточной Азии, закончилось задолго до современной эпохи и после XVII в. столкнулось с сильным сопротивлением мусульманских авторитетов»¹. Несколько веков, отделяющих правительниц прошлого от премьер-министров нашего времени, не дают достаточных оснований говорить о непрерывности и преемственности традиций женской власти в Юго-Восточной Азии.

Женская династия

В Южной Азии ситуация была иной: здесь женщины управляли княжествами, так называемыми *princely states*², и другими государственными образованиями вплоть до начала XX в. В частности, крупным независимым княжеством Бхопал (современный штат Мадхья-Прадеш, Индия) правила женская династия, которая обладала фактической властью с начала XIX в. до 1926 г.

Женщина и нация

Проблема женского политического лидерства, как мы видели, многогранна, и к ее изучению существует несколько разных подходов. Среди них — исследование влияния, которое оказал характер национализма в Южной Азии на появление женщин-лидеров XX в., а также анализ связи прихода женщин к власти с постколониальным феминизмом¹. Между национализмом и феминизмом всегда существовали напряженные отношения, подчас острые противоречия, но и тот и другой ответственны за возникновение политической стратегии продвижения интересов женщин, названной термином *women's empowerment*, который переводят как расширение возможностей женщин, или усиление влияния женщин на характер власти². Этот термин отражает особенности отношения авторов стратегии к понятию *власть*, которая в конечном счете трактуется как широкие возможности социального действия: право доступа к ресурсам и контроля над ними, возможность принимать решения, обладающие трансформационным потенциалом, во всех сферах деятельности и на всех общественных уровнях.

Нация как женщина

Известный афоризм британского политика-консерватора Джона Эноха Пауэлла (1912–1989) гласит, что нация — это «двое мужчин плюс защита женщин и детей на определенной территории»³. Из этого вытекает, что нация якобы конструируется как исключительно мужское братство, как социальный контракт свободных субъектов, из которого женщины исключены. Они не являются «свободными» в том смысле и в той мере, как это возможно для мужчин. Вместе

Нарративы и истории

Возвращаясь к концепции Нассима Талеба, с которой начиналась эта книга, хочу привести одну цитату, объясняющую выбранный мной, весьма простой метод представления разнородного материала — исторического, политического, биографического, легендарного. «Я выступаю как рассказчик, — говорит Талеб, — я предпочитаю строить повествование как череду историй и сценок для иллюстрации нашей привычки в них верить и нашей любви к опасным упрощениям, которые таит в себе любой сюжет. Чтобы опровергнуть одну историю, нужна другая история. Метафоры и истории (*увы*) гораздо сильнее идей; кроме того, они легче запоминаются и приятнее читаются. Если и собираюсь атаковать “нарративные дисциплины”, как я их называю, мое лучшее оружие — *нарратив*. Идеи появляются и исчезают, истории остаются»¹.

История первая:

«Плачущая вдова»

Во всем, что касается женского политического лидерства в XX столетии, первенство принадлежит Сиримаво Бандаранаике. 21 июля 1960 г. Сирима Ратватте Диас Бандаранаике принесла присягу в качестве премьер-министра Шри-Ланки, тогда еще называвшейся Цейлоном. В тот день 44-летняя цейлонская вдова вошла в историю как первая в мире женщина премьер-министр. В новом статусе ее имя несколько изменилось: к нему был добавлен суффикс, выражающий

История вторая:

«Вдовствующая мать»

Хотя *матриархом* и первопроходцем женского политического лидерства в Южной Азии следует считать Сиримаво Бандаранаике, ролевой моделью для всех последующих женщин премьер-министров, безусловно, была Индира Ганди (1917–1984), которая обладала политическим влиянием и авторитетом не регионального, а глобального масштаба. Единственная дочь «отца нации» и первого премьера независимой Индии Джавахарлала Неру, Индира находилась у власти в 1966–1977 гг. и с 1980 г. до своей трагической гибели 31 октября 1984 г. Возглавляя страну в течение столь длительного времени, она не только развивала социально-политическую систему, сформулированную и заложенную ее отцом, но и создала собственное политическое наследие в виде новой, современной Индии, которую иногда называют «Индией Индиры»¹.

Книгами о семье Неру–Ганди можно заполнить целый книжный шкаф, а жизнь и деятельность Индиры Приядаршини Неру (в замужестве Ганди) детально проанализированы многочисленными индийскими и западными авторами. Однако личность Индиры, открывавшейся только узкому ближнему кругу, продолжает волновать аналитиков, ученых и даже писателей, вызывая самые противоречивые, даже полярные оценки: от некогда изобретенного ее сторонниками слогана «Индира — это Индия, Индия — это Индира» до зловещего образа Вдовы, в котором ее вывел Салман Рушди в романе «Дети полуночи».

Единственная из женщин-премьеров Южной Азии, Индира Ганди не приняла власть как «наследство мученика»: ее отец умер своей

Дживан Дас. Портрет Бегум Самру.
1830 г.

Бегум Хазрат Махал.
Фото 1850-х годов

Джордж Ричмонд.
Портрет Махарани Джиндан Каур. 1896 г.

Султан Шахджахан Бегум.
Фото 1872 г.

Султан Кайхусрау Джахан Бегум.
Фото 1920 г.

Индира Ганди. 1960-е годы

Раджив и Соня Ганди

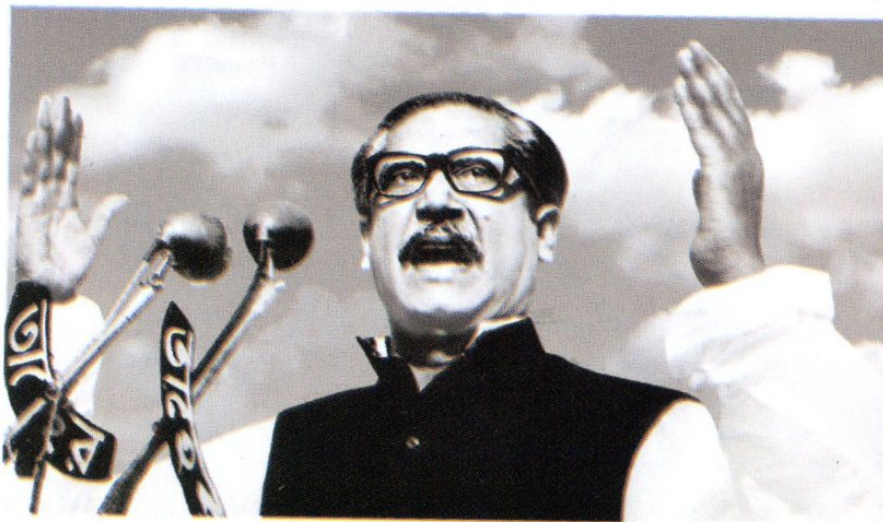
Семья Мотилала Неру. Индира стоит вторая справа

Хасина с королевой Елизаветой II

Хасина с премьер-министром Индии Нарендрой Моди

Шейх Муджибур Рахман

История третья:

«Дочь Востока»

Беназир Бхутто (1953–2007), дважды занимавшая пост премьер-министра Пакистана, в 1988–1990 и 1993–1996 гг., вступила в большую политику как дочь популярного демократического лидера Зульф리카ра Али Бхутто (1928–1979), чья казнь в 1979 г. вызвала протест мировой общественности. Похоже, что на ранних этапах своей политической деятельности Беназир руководствовалась чисто дочерними чувствами: сначала желанием спасти отца, затем стремлением отомстить за него, восстановить его доброе имя, наконец, не дать уничтожить его политическое наследие, в первую очередь созданную им Пакистанскую народную партию (ПНП). Она сама не раз публично заявляла, что политиком ее сделала казнь отца¹.

Однако годы борьбы с диктаторским режимом генерала Зия-уль-Хака, тюремное заключение, потеря двух братьев, покушения на ее жизнь, ссылка и эмиграция, унижительные обвинения в коррупции настолько закалили эту хрупкую восточную красавицу, что на излете своей короткой жизни она производила впечатление человека абсолютно бесстрашного, готового сознательно пожертвовать жизнью за свои убеждения.

Беназир Бхутто сама воспринимала свою политическую деятельность в «династическом» контексте: «Другие женщины субконтинента уже подхватывали знамена, выпавшие из рук мужей, братьев, отцов. Передача политического наследия из поколения в поколение по женской линии уже стала традицией в Южной Азии. Индира Ганди в Индии, Сиримаво Бандаранаике в Шри-Ланке, Фатима Джинна и моя мать в Пакистане... Я просто не ожидала, что тоже впишусь в эту традицию»².